

Х.К.Андерсен

РОЗА
НА МОГИЛЕ
ГОМЕРА

Ганс Андерсен

Роза с могилы Гомера (сборник)

«Фолио»

2009

Андерсен Г. Х.

Роза с могилы Гомера (сборник) / Г. Х. Андерсен — «Фолио»,
2009

Имя великого датского писателя-сказочника Х.К.Андерсена известно всем с детства. В своих сказках он создал целый мир, в котором торжествуют идеалы добра и справедливости, любви и верности, человеческого достоинства. В этом издании собраны сказки, которые будут интересны не только детям, но и взрослым.

© Андерсен Г. Х., 2009

© Фолио, 2009

Содержание

Скверный мальчишка	5
Роза с могилы Гомера	8
Ангел	9
Соловей	11
Жених и невеста	19
Прыгуны	21
Штопальная игла	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ханс Кристиан Андерсен

Роза с могилы Гомера

Скверный мальчишка

Жил-был старый поэт, настоящий хороший поэт и очень добрый. Раз вечером сидел он дома, а на дворе разыгралась непогода. Дождь лил как из ведра, но старому поэту было так уютно и тепло возле кафельной печки, где ярко горел огонь и, весело шипя, пеклись яблоки.

– Плохо попасть в такую непогоду – нитки сухой не останется! – сказал он.

Он был очень добрый.

– Впустите, впустите меня! Я озяб и весь промок! – закричал вдруг за дверями ребенок.

Он плакал и стучал в дверь, а дождь так и лил, ветер так и бился в окна.

– Бедняжка! – сказал старый поэт и пошел отворять двери.

За дверями стоял маленький мальчик, совсем голенький. С его длинных золотистых волос стекала вода, он дрожал от холода; если бы его не пустили, он бы, наверное, погиб.

– Бедняжка! – сказал старый поэт и взял его за руку. – Пойдем ко мне, я обогрею тебя, дам тебе винца и яблоко; ты такой хорошенький мальчуган!

Он и в самом деле был прехорошенький. Глаза у него сияли, как две яркие звезды, а мокрые золотистые волосы вились кудрями – ну, совсем ангелочек! – хоть он весь и посинел от холода и дрожал как осиновый лист. В руках у него был чудесный лук; беда только – он весь испортился от дождя, краска на длинных стрелах слиняла.

Старый поэт уселся поближе к печке, взял малютку на колени, выжал его мокрые кудри, согрел ручонки в своих руках и вскипятил ему сладкого вина. Мальчик повеселел, щеки у него зарумянились, он спрыгнул на пол и стал плясать вокруг старого поэта.

– Ишь, какой ты веселый мальчуган! – сказал старик поэт. – А как тебя зовут?

– Амур! – отвечал мальчик. – Ты разве не знаешь меня? Вот и лук мой. Я умею стрелять! Посмотри, погода разгулялась, месяц светит.

– А лук-то твой испортился! – сказал старый поэт.

– Вот было бы горе! – сказал мальчуган, взял лук и стал его осматривать. – Он совсем высох, и ему ничего не сделалось! Тетива натянута как следует! Сейчас я его испробую.

И он натянул лук, положил стрелу, прицелился и выстрелил старику поэту прямо в сердце!

– Вот видишь, мой лук совсем не испорчен! – закричал он, громко засмеялся и убежал.

Скверный мальчишка! Выстрелил в старика поэта, который пустил его обогреться, приласкал, напоил вином и дал самое лучшее яблоко!

Добрый старик лежал на полу и плакал: он был ранен в самое сердце. Потом он сказал:

– Фу, какой скверный мальчишка этот Амур! Я расскажу о нем всем хорошим детям, чтобы они береглись, не связывались с ним, – он и их обидит.

И все хорошие дети – и мальчики и девочки – стали остерегаться этого Амура, но он все-таки умеет иногда обмануть их; такой плут!

Идут студенты с лекций, ион рядом: книжка под мышкой, в черном сюртуке, и не узнаешь его! Они думают, что он тоже студент, возьмут его под руку, а он и пустит им стрелу прямо в грудь.

Или вот идут девушки от священника или в церковь – он тоже тут как тут; вечно гоняется за людьми!

А то заберется иногда в большую люстру в театре и горит там ярким пламенем; люди-то думают сначала, что это лампа, и уж потом только разберут в чем дело. Бегаёт он и по королевскому саду и по крепостной стене. А раз так он ранил в сердце твоих родителей! Спроси-ка у них, они тебе расскажут. Да, скверный мальчишка этот Амур, ты лучше не связывайся с ним! Он только и делает, что бегаёт за людьми. Подумай, раз он пустил стрелу даже в твою старую бабушку! Было это давно, давно прошло и быльем поросло, а все-таки не забылось, да и не забудется никогда! Фу! Злой Амур! Но теперь ты знаешь про него, знаешь, какой это скверный мальчишка!

Роза с могилы Гомера

Все восточные сказания говорят о любви соловья к розе: в тихие звездные ночи несется к благоухающему цветку серенада крылатого певца.

Недалеко от Смирны, возле дороги, окаймленной высокими платанами, видел я цветущий розовый куст. Мимо него проходят, гордо выпрямляя свои длинные шеи и неуклюже ступая по священной земле тонкими ногами, навьюченные верблюды. В ветвях платанов гнездятся дикие голуби, и крылья их блещут на солнце перламутром.

На этом розовом кусте особенно хороша была одна роза; к ней-то неслась песня соловья; он пел о страданиях любви, но роза молчала; ни капли росы не блестело на ее лепестках слезою сострадания; она клонилась вместе с ветвями к лежащему под кустом большому камню.

– Тут покоится величайший из певцов земных! – говорила роза. – Лишь над его могилой буду я благоухать, на нее буду ронять свои лепестки, оборванные ветром! Прах творца «Илиады» смешался с землею, и из этой земли выросла я! Я, роза с могилы Гомера, слишком священна, чтобы цвести для какого-то бедного соловья!

И соловей пел, пел, пока не умер.

Проходил караван; за начальником каравана шли навьюченные верблюды и черные рабы. Маленький сын его нашел мертвую птицу, и крошечного певца зарыли в могиле великого Гомера, над которою качалась от дуновенья ветра роза.

Настал вечер; роза плотнее свернула лепестки и заснула. И снился ей чудный солнечный день; на поклонение к могиле Гомера пришла толпа чужеземцев-франков; между ними был певец из страны туманов и северного сияния. Он сорвал розу, вложил ее в книгу и увез с собою в другую часть света, на свою далекую родину. И роза увяла от тоски, а певец, вернувшись домой, открыл книгу и сказал:

– Это роза с могилы Гомера!

Вот что снилось розе; проснувшись, она вся затрепетала от сильного порыва ветра. Капля росы упала с ее лепестков на могилу певца, но вот встало солнце, и роза расцвела пышнее прежнего, – она все еще была ведь в своей теплой Азии.

Послышались шаги, явились чужеземцы-франки, которых видела роза во сне, и между ними был один поэт, уроженец севера. Он сорвал розу, запечатлел на ее свежих устах свой поцелуй и увез ее в страну туманов и северного сияния.

Как мумия, покоится она теперь в его «Илиаде» и, словно сквозь сон, слышит, как он говорит, открывая книгу:

– Бот роза с могилы Гомера!

Ангел

Каждый раз, как умирает доброе, хорошее дитя, с неба спускается Божий ангел, берет дитя на руки и облетает с ним на своих больших крыльях все его любимые места. По пути они набирают целый букет разных цветов и берут их с собою на небо, где они расцветают еще пышнее, чем на земле. Бог прижимает все цветы к своему сердцу, а один цветок, который покажется ему милее всех, целует; цветок получает тогда голос и может присоединиться к хору блаженных духов.

Все это рассказывал Божий ангел умершему ребенку, унося его в своих объятиях на небо; дитя слушало ангела, как сквозь сон. Они пролетали над теми местами, где так часто играло дитя при жизни, пролетали над зелеными садами, где росло множество чудесных цветов.

– Какие же взять нам с собою на небо? – спросил ангел.

В саду стоял прекрасный, стройный розовый куст, но чья-то злая рука надломила его, так что ветви, усыпанные крупными полураспустившимися бутонами, почти совсем завяли и печально повисли.

– Бедный куст! – сказала дитя. – Возьмем его, чтобы он опять расцвел там, на небе.

Ангел взял куст и так крепко поцеловал дитя, что оно слегка приоткрыло глазки. Потом они нарвали еще много пышных цветов, но, кроме них, взяли и скромный златоцвет и простенькие анютины глазки.

– Ну вот, теперь и довольно! – сказал ребенок, но ангел покачал головой, и они полетели дальше.

Ночь была тихая, светлая; весь город спал; они пролетали над одной из самых узких улиц. На мостовой валялась солома, зола и всякий хлам: черепки, обломки алебаstra, тряпки, старые донышки от шляп, словом, все, что уже отслужило свой век или потеряло всякий вид; накануне как раз был день переезда¹.

И ангел указал на валявшийся среди этого хлама разбитый цветочный горшок, из которого вывалился ком земли, весь оплетенный корнями большого полевого цветка; цветок завял и никуда больше не годился, его и выбросили.

– Возьмем его с собою! – сказал ангел. – Я расскажу тебе про этот цветок, пока мы летим!

И ангел стал рассказывать.

– В этой узкой улице, в низком подвале, жил бедный больной мальчик. С самых ранних лет он вечно лежал в постели; когда же чувствовал себя особенно хорошо, то проходил на костылях по своей каморке раза два взад и вперед, вот и все. Иногда летом солнышко заглядывало на полчаса и в подвал; тогда мальчик садился на солнышке и, держа руки против света, любовался, как просвечивает в его тонких пальцах алая кровь; такое сидение на солнышке заменяло ему прогулку.

О богатом весеннем уборе лесов он знал только потому, что сын соседа приносил ему весною первую распутившуюся буковую веточку; мальчик держал ее над головой и переносился мыслью под зеленые буки, где сияло солнышко и распевали птички.

Раз сын соседа принес мальчику и полевых цветов, между ними был один с корнем; мальчик посадил его в цветочный горшок и поставил на окно близ своей кровати. Видно, легкая рука посадила цветок: он принялся, стал расти, пускать новые отростки, каждый год цвел и был для мальчика целым садом, его маленьким земным сокровищем. Мальчик поливал его, ухаживал за ним и заботился о том, чтобы его не миновал ни один луч, который только пробирался в каморку. Ребенок жил и дышал своим любимцем, ведь тот цвел, благоухал и хорошел

¹ В Копенгагене квартиры нанимались обыкновенно на полугодовой срок, с 1 марта по 1 сентября и с 1 сентября по 1 марта; эти два дня и были днями общего переезда с квартиры на квартиру.

для него одного. К цветку повернулся мальчик даже в ту последнюю минуту, когда его отзывал к себе Господь Бог...

Вот уже целый год, как мальчик у Бога; целый год стоял цветок, всеми забытый, на окне, завял, засох и был выброшен на улицу вместе с прочим хламом. Этот-то бедный, увядший цветок мы и взяли с собой: он доставил куда больше радости, чем самый пышный цветок в саду королевы.

– Откуда ты знаешь все это? – спросило дитя.

– Знаю! – отвечал ангел. – Ведь я сам был тем бедным калекою мальчиком, что ходил на костылях! Я узнал свой цветок!

И дитя широко-широко открыло глазки, вглядываясь в прелестное, радостное лицо ангела. В ту же самую минуту они очутились на небе у Бога, где царят вечные радость и блаженство. Бог прижал к своему сердцу умершее дитя – и у него выросли крылья, как у других ангелов, и он полетел рука об руку с ними. Бог прижал к сердцу и все цветы, поцеловал же только бедный, увядший полевой цветок, и тот присоединил свой голос к хору ангелов, которые окружали Бога; одни летали возле него, другие подальше, третьи еще дальше, и так до бесконечности, но все были равно блаженны. Все они пели – и малые, и большие, – и доброе, только что умершее дитя, и бедный полевой цветочек, выброшенный на мостовую вместе с сором и хламом.

Соловей

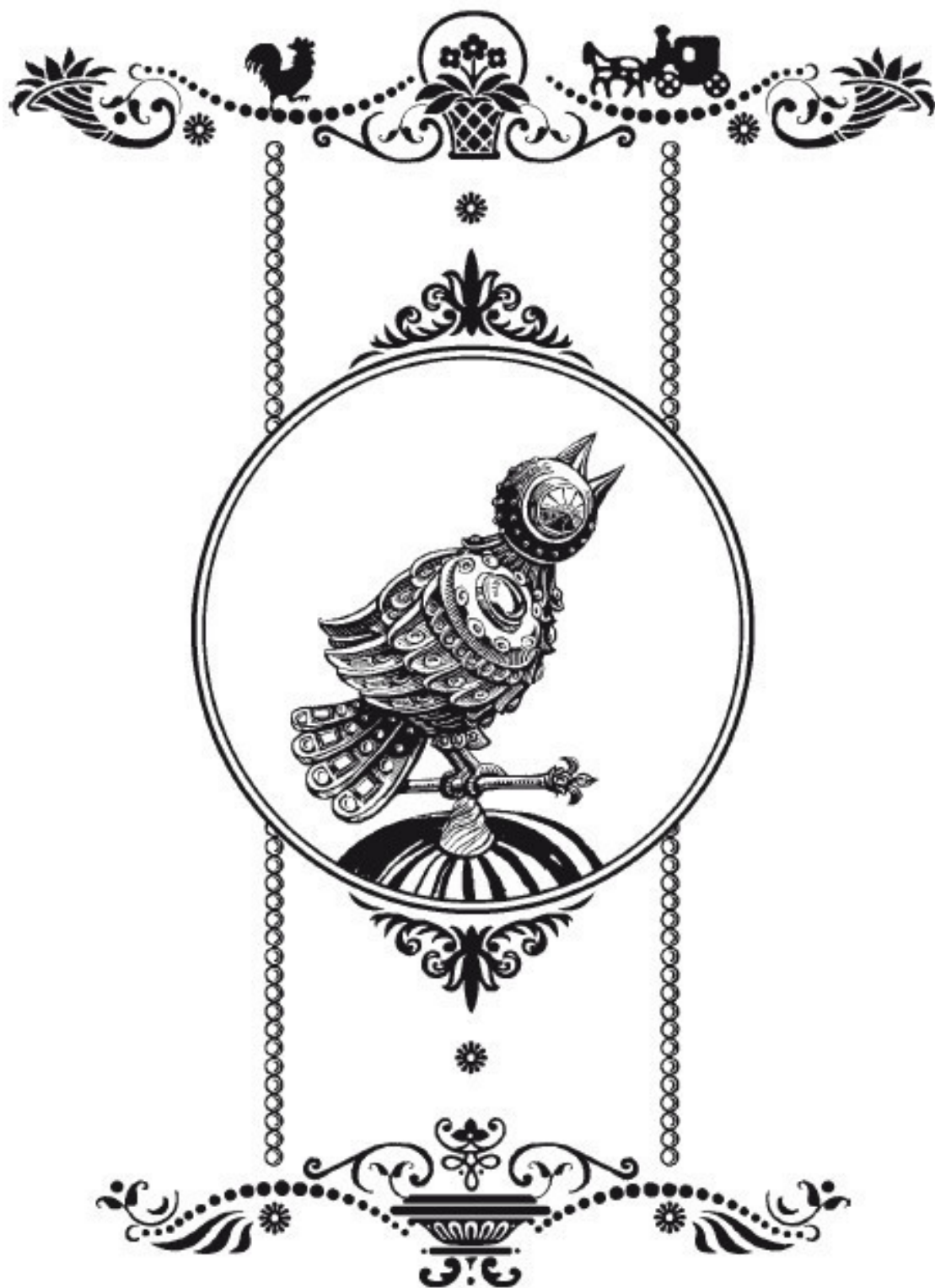
В Китае, как ты знаешь, и сам император и все его подданные – китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нем послушать, пока оно не забудется совсем! В целом мире не нашлось бы дворца лучше императорского; он весь был из драгоценного фарфора, зато такой хрупкий, что страшно было до него дотронуться. В саду росли чудеснейшие цветы; к самым лучшим из них были привязаны серебряные колокольчики; звон их должен был обращать на цветы внимание каждого прохожего. Вот как тонко было придумано! Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. Из сада можно было попасть прямо в густой лес; в чаще его таились глубокие озера, и доходил он до самого синего моря. Корабли проплывали под нависшими над водой вершинами деревьев, и в ветвях их жил соловей, который пел так чудесно, что его заслушивался, забывая о своем неводе, даже бедный, удрученный заботами рыбак. «Господи, как хорошо!» – вырывалось наконец у рыбака, но потом бедняк опять принимался за свое дело и забывал о соловье, на следующую ночь снова заслушивался его и снова повторял то же самое: «Господи, как хорошо!»

Со всех концов света стекались в столицу императора путешественники; все они дивились на великолепный дворец и на сад, но, услышав соловья, говорили: «Вот это лучше всего!»

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всем виденном; ученые описывали столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье и даже ставили его выше всего; поэты слагали в честь крылатого певца, жившего в лесу, на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот некоторые из них дошли и до самого императора. Он восседал в своем золотом кресле, читал-читал и поминутно кивал головой – ему очень приятно было читать похвалы своей столице, дворцу и саду. «Но соловей лучше всего!» – стояло в книге.

– Что такое? – удивился император. – Соловей? А я ведь и не знаю его! Как? В моем государстве и даже в моем собственном саду живет такая удивительная птица, а я ни разу и не слыхал о ней! Пришлось вычитать о ней из книг!

И он позвал к себе, первого из своих приближенных; а тот напускал на себя такую важность, что если кто-нибудь из людей попроче осмеливался заговорить с ним или спросить его о чем-нибудь, отвечал только: «Пф!» – а это ведь ровно ничего не означает.

– Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица, по имени соловей. Ее считают главной достопримечательностью моего великого государства! – сказал император. – Почему же мне ни разу не доложили о ней?

– Я даже и не слыхал о ней! – отвечал первый приближенный. – Она никогда не была представлена ко двору!

– Я желаю, чтобы она была здесь и пела предо мною сегодня же вечером! – сказал император. – Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю!

– И не слыхивал о такой птице! – повторил первый приближенный. – Но я разыщу ее! Легко сказать! А где ее разыщешь?

Первый приближенный императора бегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из встречаемых, к кому он ни обращался с расспросами, и не слыхивал о соловье. Первый приближенный вернулся к императору и доложил, что соловья-де, верно, выдумали книжные сочинители.

– Ваше величество не должны верить всему, что пишут в книгах: все это одни выдумки, так сказать, черная магия!..

– Но ведь эта книга прислана мне самим могущественнейшим императором Японии, и в ней не может быть неправды! Я хочу слышать соловья! Он должен быть здесь сегодня же вечером! Я объявляю ему мое высочайшее благоволение! Если же его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина всех придворных бить палками по животу!

– Тзинг-пе! – сказал первый приближенный и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам; с ним бегала и добрая половина придворных, – никому не хотелось отведать палок. У всех на языке был один вопрос: что это за соловей, которого знает весь свет, а при дворе ни одна душа не знает.

Наконец на кухне нашли одну бедную девочку, которая сказала:

– Господи! Как не знать соловья! Вот уж поет-то! Мне позволено относить по вечерам моей бедной больной матушке остатки от обеда. Живет матушка у самого моря, и вот, когда я иду назад и сяду отдохнуть в лесу, я каждый раз слышу пение соловья! Слезы так и потекут у меня из глаз, а на душе станет так радостно, словно матушка целует меня!..

– Кухарочка! – сказал первый приближенный императора. – Я определю тебя на штатную должность при кухне и выхлопочу тебе позволение посмотреть, как кушает император, если ты сведешь нас к соловью! Он приглашен сегодня вечером ко двору!

И вот все отправились в лес, где обыкновенно распевал соловей; отправилась туда чуть не половина всех придворных. Шли, шли, вдруг замычала корова.

– О! – сказали молодые придворные. – Вот он! Какая, однако, сила! И это у такого маленького созданыща! Но мы положительно слышали его раньше!

– Это мычит корова! – сказала девочка. – Нам еще далеко до места.

В пруду заквакали лягушки.

– Чудесно! – сказал придворный бонза. – Теперь я слышу! Точь-в-точь наши колокольчики в молельне!

– Нет, это лягушки! – сказала опять девочка. – Но теперь, я думаю, скоро услышим и его! И вот запел соловей.

– Вот это соловей! – сказала девочка. – Слушайте, слушайте! А вот и он сам! – И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, сидевшую в ветвях.

– Неужели! – сказал первый приближенный императора. – Никакие воображал себе его таким! Самая простая наружность! Верно, он потерял все свои краски при виде стольких знатных особ!

– Соловушка! – громко закричала девочка. – Наш милостивый император желает послушать тебя!

– Очень рад! – ответил соловей и запел так, что просто чудо.

– словно стеклянные колокольчики звенят! – сказал первый приближенный. – Глядите, как трепещет это маленькое горлышко! Удивительно, что мы ни разу не слыхали его раньше! Он будет иметь огромный успех при дворе!

– Спеть ли мне императору еще? – спросил соловей. Он думал, что тут был и сам император.

– Несравненный соловушка! – сказал первый приближенный императора. – На меня возложено приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением!

– Пение мое гораздо лучше слушать в зеленом лесу! – сказал соловей, но, узнав, что император пригласил его во дворец, охотно согласился туда отправиться.

При дворе шли приготовления к празднику. В фарфоровых стенах и в полу сияли отражения бесчисленных золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены чудеснейшие цветы с колокольчиками, которые от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса. Посреди огромной залы, где сидел император, возвышался золотой шест для соловья. Все придворные были в полном сборе; позволили стоять в дверях и кухарочке, – теперь ведь она получила звание придворной поварихи. Все были разодеты в пух и прах и глаз не сводили с маленькой серенькой птички, которой император мило стиво кивнул головой.

И соловей запел так дивно, что у императора выступили на глазах слезы и покатались по щекам. Тогда соловей залился еще громче, еще слаще; пение его так и хватало за сердце. Император был очень доволен и сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался, говоря, что довольно награжден и без того.

– Я видел на глазах императора слезы – какой еще награды желать мне! В слезах императора дивная сила! Видит Бог – я награжден с избытком!

И опять зазвучал его чудный, сладкий голос.

– Вот самое очаровательное кокетство! – сказали придворные дамы и стали набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они будут с кем-нибудь разговаривать. Этим они думали походить на соловья. Даже слуги и служанки объявили, что очень довольны, а это ведь много значит: известно, что труднее всего угодить этим особам. Да, соловей положительно имел успех.

Его оставили при дворе, отвели ему особую комнатку, разрешили гулять на свободе два раза в день и раз ночью и приставили к нему двенадцать слуг; каждый держал его за привязанную к его лапке шелковую ленточку. Большое удовольствие было от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если встречались на улице двое знакомых, один сейчас же говорил: «соло», а другой подхватывал: «вей», после чего оба вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать сыновей мелочных лавочников получили имена в честь соловья, но ни у одного из них не было и признака голоса.

Раз императору доставили большой пакет с надписью: «Соловей».

– Ну, вот еще новая книга о нашей знаменитой птице! – сказал император.

Но то была не книга, а затейливая штука: в ящике лежал искусственный соловей, похожий на настоящего, но весь осыпанный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу – и она начинала петь одну из мелодий настоящего соловья и поводить хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке у птицы была ленточка с надписью: «Соловей императора японского жалок в сравнении с соловьем императора китайского».

– Какая прелесть! – сказали все придворные, и явившегося с птицей посланца императора японского сейчас же утвердили в звании «чрезвычайного императорского поставщика соловьев».

– Теперь пусть-ка споют вместе, вот будет дуэт! Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел по-своему, а искусственный – как заведенная шарманка.

– Это не его вина! – сказал придворный капельмейстер. – Он безукоризненно держит такт и поет совсем по моей методе.

Искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как настоящий, но был куда красивее, весь так и блестел драгоценностями!

Тридцать три раза пропел он одно и то же и не устал. Окружающие охотно послушали бы его еще раз, да император нашел, что надо заставить спеть и живого соловья. Но куда же он девался?

Никто и не заметил, как он вылетел в открытое окно и унесся в свой зеленый лес.

– Что же это, однако, такое! – огорчился император, а придворные называли соловья неблагородной тварью.

– Лучшая-то птица у нас все-таки осталась! – сказали они, и искусственному соловью пришлось петь то же самое в тридцать четвертый раз.

Никто, однако, не успел еще выучить мелодии наизусть, такая она была трудная. Капельмейстер расхваливал искусственную птицу и уверял, что она даже выше настоящей не только платьем и бриллиантами, но и по внутренним своим достоинствам.

– Что касается живого соловья, высокий повелитель мой и вы, милостивые господа, то никогда ведь нельзя знать заранее, что именно споет он, у искусственного же все известно наперед! Можно даже отдать себе полный отчет в его искусстве, можно разобрать его и показать все его внутреннее устройство – плод человеческого ума, расположение и действие валиков, все, все!

– Я как раз того же мнения! – сказал каждый из присутствовавших, и капельмейстер получил разрешение показать птицу в следующее же воскресенье народу.

– Надо и народу послушать ее! – сказал император.

Народ послушал и был очень доволен, как будто вдосталь напился чаю, – это ведь совершенно по-китайски. От восторга все в один голос восклицали: «О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, слышавшие настоящего соловья, говорили:

– Недурно и даже похоже, но все-таки не то! Чего-то недостает в его пении, а чего – мы и сами не знаем!

Живого соловья объявили изгнанным из пределов государства.

Искусственная птица заняла место на шелковой подушке возле императорской постели. Кругом нее были разложены все пожалованные ей драгоценности. Величали же ее теперь «императорского ночного столика первым певцом с левой стороны», – император считал более важной именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у императора. Капельмейстер написал об искусственном соловье двадцать пять томов, ученых-преученных и полных самых мудреных китайских слов.

Придворные, однако, говорили, что читали и поняли все, иначе ведь их прозвали бы дураками и отколотили палками по животу.

Так прошел целый год; император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку искусственного соловья, но потому-то пение его им так и нравилось: они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!» Сам император напевал то же самое. Ну что за прелесть!

Но раз вечером искусственная птица только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри ее зашипело, зажужжало, колеса завертелись, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за придворным медиком, но что же мог тот поделать! Призвали часовщика, и этот после долгих разговоров и осмотров кое-как исправил птицу, но сказал, что с ней надо обходиться крайне бережно: зубчики поистерлись, а поставить новые так, чтобы музыка шла по-прежнему, верно, было нельзя. Вот так горе! Только раз в год позволили заводить птицу. И это было очень грустно, но капельмейстер произнес краткую, зато полную

мудреных слов речь, в которой доказывал, что птица ничуть не сделалась хуже. Ну, значит, так оно и было.

Прошло еще пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он, как говорили, был при смерти. Провозгласили уже нового императора, но народ толпился на улице и спрашивал первого приближенного императора о здоровье своего старого повелителя.

– Пф! – отвечал приближенный и покачивал головой.

Бледный, похолодевший лежал император на своем великолепном ложе; все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад и вперед, перебрасываясь новостями, а служанки проводили приятные часы в болтовне за чашкой чая. По всем залам и коридорам были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мертвая тишина. Но император еще не умер, хотя и лежал на своем великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями, совсем недвижимый и мертвенно-бледный. Сквозь раскрытое окно глядел на императора и искусственного соловья ясный месяц.

Бедный император почти не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди. Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидела Смерть. Она надела на себя корону императора, забрала в одну руку его золотую саблю, а в другую – богатое знамя. Из складок бархатного балдахины выглядывали какие-то странные лица: одни гадкие и мерзкие, другие добрые и милые. То были злые и добрые дела императора, смотревшие на него, в то время как Смерть сидела у него на груди.

– Помнишь это? – шептали они по очереди. – Помнишь это? – и рассказывали ему так много, что на лбу у него выступал холодный пот.

– Я и не знал об этом! – говорил император. – Музыку сюда, музыку! Большие китайские барабаны! Я не хочу слышать их речей!

Но они все продолжали, а Смерть, как китаец, кивала на их речи головой.

– Музыку сюда, музыку! – кричал император. – Пой хоть ты, милая, славная золотая птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю, пой же, пой!

Но птица молчала – некому было завести ее, а иначе она петь не могла. Смерть продолжала смотреть на императора своими большими пустыми глазницами. В комнате было тихо.

Вдруг за окном раздалось чудное пение. То прилетел, узнав о болезни императора, утешить и ободрить его живой соловей. Он пел, и призраки все бледнели, кровь прилиwała к сердцу императора все быстрее; сама Смерть заслушалась соловья и все повторяла: «Пой, пой еще, соловушка!»

– А ты отдашь мне за это драгоценную саблю? А дорогое знамя? А корону? – спрашивал соловей.

И Смерть отдавала одну драгоценность за другую, а соловей все пел. Вот он запел наконец о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает бузина и свежая трава орошается слезами живых, оплакивающих усопших... Смерть вдруг охватила такая тоска по своему саду, что она свилась в белый холодный туман и вылетела в окно.

– Спасибо, спасибо тебе, милая птичка! – сказал император. – Я помню тебя! Я изгнал тебя из моего государства, а ты отогнала от моей постели ужасные призраки, отогнала самую Смерть! Чем мне вознаградить тебя?

– Ты уже вознаградил меня раз и навсегда! – сказал соловей. – Я видел слезы на твоих глазах в первый раз, как пел перед тобою, – этого я не забуду никогда! Слезы – вот драгоценнейшая награда для сердца певца. Но засни теперь и просыпайся здоровым и бодрым! Я буду баюкать тебя своею песней!

И он запел опять, а император заснул здоровым, благодатным сном.

Когда он проснулся, в окна уже светило солнце. Никто из его слуг не заглядывал к нему; все думали, что он умер, один соловей сидел у окна и пел.

– Ты должен остаться у меня навсегда! – сказал император. – Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги!

– Не надо! – сказал соловей. – Она принесла столько пользы, сколько могла! Пусть она остается у тебя по-прежнему! Я же не могу жить во дворце. Позволь мне только прилетать к тебе, когда захочу. Тогда я каждый вечер буду садиться у твоего окна и петь тебе; моя песня и порадует тебя и заставит задуматься. Я буду петь тебе о счастливых и о несчастных, о добре и о зле, что таятся вокруг тебя. Маленькая певчая птичка летает повсюду, залетает и под крышу бедного рыбака и крестьянина, которые живут вдали от тебя. Я люблю тебя за твое сердце больше, чем за твою корону, и все же корона окружена каким-то особым священным обаянием! Я буду прилетать петь тебе! Но обещай мне одно!..

– Все! – сказал император и встал во всем своем царственном величии; он успел надеть на себя свое императорское одеяние и прижимал к сердцу тяжелую золотую саблю.

– Об одном прошу я тебя – не говори никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всем. Так дело пойдет лучше!

И соловей улетел.

Слуги вошли поглядеть на мертвого императора и застыли на пороге, а император сказал им:

– Здравствуйте!

Жених и невеста

Молодчик-кубарь и барышня-мячик лежали рядом в ящике с игрушками, и кубарь сказал соседке:

– Не пожениться ли нам? Мы ведь лежим в одном ящике.

Но мячик – сафьянового происхождения и вообразивший о себе не меньше, чем любая барышня, – гордо промолчал.

На другой день пришел мальчик, хозяин игрушек, и выкрасил кубарь в красный с желтым цвет, а в самую серединку вбил медный гвоздик. Вот-то красиво было, когда кубарь завертелся!

– Посмотрите-ка на меня! – сказал он мячику. – Что вы скажете теперь? Не пожениться ли нам? Чем мы не пара? Вы прыгаете, а я танцую. Поискать такой славной парочки!

– Вы думаете? – сказал мячик. – Вы, должно быть, не знаете, что я веду свое происхождение от сафьяновых туфель и что внутри у меня пробка?

– А я из красного дерева, – сказал кубарь. – И меня выточил сам городской судья! У него свой собственный токарный станок, и он с таким удовольствием занимался мной!

– Так ли? – усомнился мячик.

– Пусть больше не коснется меня кнутик, если я лгу! – сказал кубарь.

– Вы очень красноречивы, – сказал мячик. – Но я все-таки не могу согласиться. Я уж почти невеста! Стоит мне взлететь на воздух, как из гнезда высовывается стриж и все спрашивает: «Согласны? Согласны?» Мысленно я всякий раз говорю: «Да», значит, дело почти слажено. Но я обещаю вам никогда вас не забывать!

– Вот еще! Очень нужно! – сказал кубарь, и они перестали говорить друг с другом.

На другой день мячик вынули из ящика. Кубарь смотрел, как он, точно птица, взвивался в воздух все выше, выше... и наконец совсем исчезал из глаз, потом опять падал и, коснувшись земли, снова взлетал кверху; потому ли, что его влекло туда, или потому, что внутри у него сидела пробка – неизвестно. В девятый раз мячик взлетел и – поминай как звали! Мальчик искал, искал – нет нигде, да и только!

– Я знаю, где мячик! – вздохнул кубарь. – В стрижином гнезде, замужем за стрижем!

И чем больше думал кубарь о мячике, тем больше влюблялся. Сказать правду, так он потому все сильнее влюблялся, что не мог жениться на своей возлюбленной, подумать только – она предпочла ему другого!

Кубарь плясал и пел, но не переставал думать о мячике, который представлялся ему все прекраснее и прекраснее.

Так прошло много лет; любовь кубаря стала уже старой любовью.

Да и сам кубарь был немолод... Раз его взяли и вызолотили. То-то было великолеpie! Он весь стал золотой и кружился и жужжал так, что любо! Да уж, нечего сказать! Вдруг он подпрыгнул повыше и – пропал!

Искали, искали, даже в погреб слазили, – нет, нет и нет!

Куда же он попал?

В помойное ведро! Оно стояло как раз под водосточным желобом и было полно разной дряни: обгрызенных кочерыжек, щепок, сора.

– Угодил, нечего сказать! – вздохнул кубарь. – Тут вся позолота разом сойдет! И что за рвань тут вокруг?

И он покосился на длинную обгрызенную кочерыжку и еще на какую-то странную круглую вещь, вроде старого яблока. Но это было не яблоко, а старая барышня-мячик, который застрял когда-то в водосточном желобе, пролежал там много лет, весь промок и наконец упал в ведро.

– Слава богу! Наконец-то хоть кто-нибудь из нашего круга, с кем можно поговорить! – сказал мячик, посмотрев на вызолоченный кубарь. – Я ведь, в сущности, из сафьяна и сшита девичьими ручками, а внутри у меня пробка! А кто это скажет, глядя на меня? Я чуть не вышла замуж за стрижа, да вот попала в водосточный желоб и пролежала там целых пять лет! Это не шутка! Особенно для девицы!

Кубарь молчал; он думал о своей старой возлюбленной и все больше и больше убеждался, что это она.

Пришла служанка, чтобы опорожнить ведро.

– А, вот где наш кубарь! – сказала она.

И кубарь опять попал в комнаты и в честь, а о мячике не было и помину. Сам кубарь никогда больше и не заикался о своей старой любви: любовь как рукой снимет, если предмет ее пролежит пять лет в водосточном желобе, да еще встретится вам в помойном ведре! Тут его и не узнаешь!

Прыгуны

Блоха, кузнечик и гусек-скакунок² хотели раз посмотреть, кто из них выше прыгает, и пригласили прийти полюбоваться на такое диво весь свет и – кто там еще захочет. Да, вот так прыгуны выступили перед собранием! Настоящие прыгуны-молодцы!

– Я выдам свою дочку за того, то прыгнет выше всех! – сказал король. – Обидно было бы таким персонам прыгать задаром!

Сначала вышла блоха; она держала себя в высшей степени мило и раскланялась на все стороны: в жилах ее текла аристократическая кровь, и вообще она привыкла иметь дело с людьми, а это ведь что-нибудь да значит!

Потом вышел кузнечик; он был, конечно, потяжеловеснее, но тоже очень приличен на вид и одет в зеленый мундир, – он и родился в мундире. Кузнечик говорил, что происходит из очень древнего рода, из Египта, и поэтому в большой чести в здешних местах: его взяли прямо с поля и посадили в трехэтажный карточный домик, который был сделан из одних фигур, обращенных лицевою стороною вовнутрь; окна же и двери в нем были прорезаны в туловище червонной дамы.

– Я пою, – прибавил кузнечик, – да так, что шестнадцать здешних сверчков, которые трещат с самого рожденья и все-таки не удостоились карточного домика, послушав меня, с досады похудели!

И блоха и кузнечик полагали, таким образом, что достаточно зарекомендовали себя в качестве приличной партии для принцессы.

Гусек-скакунок не сказал ничего, но о нем говорили, что он зато много думает. А придворный пес, как только обнюхал его, так и сказал, что гусек-скакунок – из очень хорошего семейства. Старый же придворный советник, который получил три ордена за умение молчать, уверял, что гусек-скакунок отличается пророческим даром: по его спине можно узнать, мягкая или суровая будет зима, а этого нельзя узнать даже по спине самого составителя календарей!

– Я пока ничего не скажу! – сказал старый король. – Но у меня свои соображения!

Теперь оставалось только прыгать.

Блоха прыгнула, да так высоко, что никто и не видал – как, и потому стали говорить, что она вовсе не прыгала; но это было нечестно. Кузнечик прыгнул вдвое ниже и угодил королю прямо в лицо, и тот сказал, что это очень гадко.

Гусек-скакунок долго стоял и думал; в конце концов все решили, что он вовсе не умеет прыгать.

– Только бы ему не сделалось дурно! – сказал придворный пес и принялся опять обнюхивать его.

Прыг! И гусек-скакунок маленьким косым прыжком очутился прямо на коленях у принцессы, которая сидела на низенькой золотой скамеечке.

Тогда король сказал:

– Выше всего допрыгнуть до моей дочери – в этом ведь вся суть; но чтобы додуматься до этого, нужна голова, и гусек-скакунок доказал, что она у него есть. И притом с мозгами!

И гуську-скакунку досталась принцесса.

– Я все-таки выше всех прыгнула! – сказала блоха. – Но все равно, пусть остается при своем дурацком гуське с палочкой и смолой! Я прыгнула выше всех, но на этом свете надо иметь крупное тело, чтобы тебя заметили!

И блоха поступила волонтером в чужеземное войско и, говорят, нашла там смерть.

² Гусек– скакунок – игрушка из грудной кости гуся.

Кузнечик расположился в канавке и принялся петь о том, как идут дела на белом свете. И он тоже говорил:

– Да, самое главное – крупное тело!

И он затянул песенку о своей печальной доле. Из его-то песни мы и взяли эту историю. Впрочем, она, пожалуй, выдумана, хоть и напечатана.

Штопальная игла

Жила-была штопальная игла; она считала себя такой тонкой, что воображала, будто она швейная иголка.

– Смотрите, смотрите, что вы держите! – сказала она пальцам, когда они вынимали ее. – Не уроните меня! Упаду на пол – чего доброго, затеряюсь: я слишком тонка!

– Будто уж! – ответили пальцы и крепко обхватили ее за талию.

– Вот видите, я иду с целой свитой! – сказала штопальная игла и потянула за собой длинную нитку, только без узелка.

Пальцы ткнули иглу прямо в кухаркину туфлю, – кожа на туфле лопнула, и надо было зашить дыру.

– Фу, какая черная работа! – сказала штопальная игла. – Я не выдержу! Я сломаюсь!

И вправду сломалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.